

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ INTERNATIONAL RELATIONS IN THE POST-SOVIET SPACE

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-7-42

Научная статья / Research paper

С.А. Притчин*

В ЗЕРКАЛЕ ТРАНЗИТОЛОГИИ: ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ СМЕНЫ ВЛАСТИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОГО КАВКАЗА

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

Страны Центральной Азии и Южного Кавказа в 2021 г. проходят важный этап 30-летия своей современной государственности. Согласно парадигме транзитологии основная траектория изменений в государстве при отходе от авторитарного строя направлена на постепенную либерализацию политических систем и демократизацию политических процессов. Этому пути должны были (с точки зрения господствующих теоретических подходов) последовать и государства постсоветского пространства. Однако обращение к рассмотрению конкретных сценариев смены власти в регионе Центральной Азии и Южного Кавказа дает гораздо более неоднозначную картину. Можно заметить, что смена правящих элит в выбранных странах осуществлялась очень разными способами. Реализация того или иного сценария передачи власти всякий раз обуславливалась сложным сочетанием внутренних и внешних факторов, включая особенности политического устройства государства, его этнический состав, социально-экономическое положение и внешнее окружение. Тем не менее можно выделить несколько ключевых вариантов: революционный сценарий, подразумевающий насильственную смену власти; внутриэлитный консенсус; передачу власти

* Притчин Станислав Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН (pritchin.stanislav@yandex.ru).

преемнику; династический сценарий; демократические выборы; уход президента в отставку. При этом сравнительный анализ политических процессов, разворачивавшихся в регионе на протяжении последних 30 лет, показал, что институционально страны Центральной Азии и Южного Кавказа в целом не готовы к конкурентной политике, поскольку она рассматривается их руководством как угроза устойчивости государственности и интересам поддерживающих его групп влияния. В качестве еще одной причины можно назвать усиление роли неформальных, архаичных политических практик: многим постсоветским странам свойственна сакрализация власти, когда интересы правящего клана отождествляются с интересами государства и вокруг этого тождества выстраивается специфическая государственная идеология.

Проведенный анализ позволяет констатировать ограниченность возможностей применения существующих теоретических подходов в области транзитологии для объяснения и, тем более, прогнозирования хода трансформации политических процессов на постсоветском пространстве, а также указывает на необходимость разработки новых объяснительных моделей, которые в большей степени учитывали бы особенности региональных политических систем.

Ключевые слова: транзит власти, транзитология, постсоветское пространство, Центральная Азия, Южный Кавказ, демократия, СНГ, «цветные революции», политические институты, политические системы.

Для цитирования: Притчин С.А. В зеркале транзитологии: особенности процессов смены власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 7–42. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-7-42.

Stanislav A. Pritchinn

**IN THE MIRROR OF TRANSITOLOGY:
THE POLITICS OF POWER ALTERNATION
IN THE CAUCASUS AND CENTRAL ASIA**

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997*

In 2021 the countries of Central Asia and the South Caucasus celebrate the 30th anniversary of independence. According to the paradigm of transitology, the

political development of a state since the departure from the authoritarian regime entails progressive liberalization and democratization of political processes. And, in accordance with the predominant theoretical approaches, the post-Soviet states were expected to follow this path. However, a closer look at the specific scenarios of power alternation in the Central Asia and the South Caucasus provides a much more mixed picture: here the change of ruling elites took very different forms and shapes. The choice of scenario for the transfer of power was always determined by a complex combination of internal and external factors, including the nature and characteristics of the political system of a particular state, its ethnic composition, the socio-economic situation and external environment. Nevertheless, it is possible to discern several key scenarios: a 'revolutionary' scenario, which implies a violent change of power; an intra-elite consensus; transition of power to a successor; a hereditary transmission of power; democratic elections; a resignation of a president. A comparative analysis of the political processes unfolding in the region over the past 30 years shows that even institutionally the countries of Central Asia and the South Caucasus are not ready yet for a competition policy. Moreover, the latter is generally viewed by their leaders as a threat to both the stability of the state and to the interests of the ruling elites. To this may be added the expansion of different informal, archaic political practices across the post-Soviet space. The latter include the sacralization of power, when national interests are equated with the interests of the ruling clan and the whole national identity is built up around this nexus. All this shows the limits of classical transitology theory when it comes to political transformations in the post-Soviet space, which it is unable to explain, yet alone to predict their possible future development. Thus, there is a strong need to develop new theoretical frameworks that would better accommodate particularities of the regional political systems.

Keywords: transition of power, transitology, post-Soviet space, Central Asia, the South Caucasus, democracy, CIS, colour revolutions, political institutions, political systems.

About the author: *Stanislav A. Pritchinn* — PhD (History), Senior Research Fellow at the Center for Post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (pritchinn.stanislav@yandex.ru).

For citation: Pritchinn S.A. 2021. In the mirror of transitology: The politics of power alternation in the Caucasus and Central Asia. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 4, pp. 7–42. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-7-42. (In Russ.)

Страны Южного Кавказа и Центральной Азии в 2021 г. пережили важный этап — 30-летие своей независимости. С точки

зрения государства период для становления совсем незначительный. Формирование политических институтов, создание оптимальной модели взаимодействия общества и власти, выработка политических традиций и культуры занимают десятилетия, поэтому, объективно говоря, страны выбранного региона находятся на ранней стадии развития своей современной государственности. Тем интереснее процессы, происходящие там, особенно с учетом того, что стартовые условия на заре получения независимости были примерно схожи. Так, у всех государств постсоветского пространства была общая политическая система с доминированием коммунистической партии и ее идеологии, отсутствием полноценного гражданского общества и устойчивых демократических традиций. При этом социально-экономическая ситуация в рассматриваемых странах на момент обретения независимости также была примерно схожа.

Процесс перехода в новых независимых государствах от централизованного коммунистического режима к политической либерализации сразу же попал в фокус внимания западных исследователей. Западные политологи стали воспринимать запуск либеральных реформ в этих странах как часть «третьей волны демократизации», которая включала транзит от тоталитарных и авторитарных политических режимов в сторону демократических систем и наблюдалась в государствах Латинской Америки, Азии, Африки, Восточной и Центральной Европы во второй половине XX в. [Huntington, 1991: 149].

Необходимость осмысления масштабных процессов демократизации даже привела к появлению в политологической науке новой субдисциплины — транзитологии, сфокусированной на выявлении и изучении закономерностей перехода от недемократичного состояния политических систем к демократическому [Мельвиль, 2007: 123–134].

Исследователи обычно выделяют несколько этапов в рамках этого процесса. Упрощенная модель «парадигмы транзита», перехода от авторитаризма/тоталитаризма к демократическому режиму, в интерпретации одного из создателей данной теории Т. Карозерса, состоит из следующих элементов: 1) страна начинает отход от диктаторского правления, движется к демократии; 2) демократические преобразования включают ряд последовательных стадий, ведущих к консолидации нового режима; 3) ключевым фактором успеха перехода к демократии являются выборы; 4) «структурные» характеристики (уровень экономического развития, политическая история, унаследованные институты, этнический состав, социокуль-

турные традиции и др.) гораздо меньше влияют на исход транзита, чем «процедурные», т.е. политические факторы; 5) залогом успеха демократизации становится способность нового правительства обеспечить эффективное функционирование государственного аппарата [Карозерс, 2003].

Согласно другой концепции за авторством Х. Линца и А. Степана, которая в настоящий момент является доминирующей среди западных политологов, демократическая консолидация подразумевает проведение глубоких преобразований как минимум на трех уровнях: поведенческом, ценностном и конституционном. При этом демократическая консолидация возможна, если: 1) в политической среде нет групп, которые стремились бы подорвать демократический режим; 2) демократические процедуры и институты воспринимаются обществом как наиболее приемлемые механизмы регулирования социальной жизни; 3) политические акторы «привыкают» к тому, что все общественные конфликты разрешаются в соответствии с законами, процедурами и институтами, санкционированными новым демократическим процессом [Linz, Stepan, 1996].

В реальности все эти построения, предложенные приверженцами транзитологии, далеко не всегда позволяли объяснить конкретные направления развития политических процессов в большей части транзитных государств. Более того, эти процессы постоянно выявляли все новые недостатки в имевшихся теоретических конструктах. Так, проведенный М. Макфолом анализ посткоммунистических трансформаций показывает, что если не работают хотя бы две базовые посылки транзитологической модели, описанной выше, то транзит не сможет привести к реальному переходу к более демократической политической системе. При этом М. Макфол выделяет еще один необходимый аспект успешного транзитного перехода — готовность конкурирующих за власть политических групп находить неконфликтный выход из противостояния. Например, если преодоление политического тупика, возникающего вследствие примерного равновесия консервативных и реформаторских сил, осуществляется посредством достижения консенсуса, то тем самым создаются основы для успешной демократизации. Однако, как отмечает американский исследователь, для посткоммунистических стран более типичным был вариант силового разрешения противоречия. При этом если перевес в политическом противоборстве получали радикальные реформаторы, опиравшиеся на поддержку снизу и действовавшие

«извне» традиционного истеблишмента, то перед страной открывались перспективы подлинной демократизации. В случае же если источником реформ выступали «мимикрировавшие» представители старых режимов, которые сверху устанавливали правила игры, то результатом становилась новая версия авторитарного государства. При этом длительный период баланса сил между разными группами, как правило, приводил к возникновению тех или иных разновидностей «гибридных» режимов [McFaul, 2001: 234].

Эту позицию разделяют Т.Л. Карл и Ф. Шмиттер, которые считают, что в большей части постсоветских стран реализовался именно второй сценарий: «...в Азербайджане и “...станах” установлены лишь “фасадные” или “электоралистские” демократии, под прикрытием которых процветают автократические практики, которых придерживаются как элиты, так и массы, сохраняющие приверженность авторитарным ценностям» [Карл, Шмиттер, 2004].

О важности консенсуса для выхода из политического тупика пишет и отечественный исследователь А.Ю. Мельвиль. Он подчеркивает, что если сторонам удастся оформить некий пакт, соглашение, устанавливающее правила игры на дальнейшие этапы политической борьбы и дающие гарантии «проигравшим», то это становится одним из важнейших этапов закладки фундамента для демократической политической системы государства [Мельвиль, 2007: 123–134]. Исследователь отмечает и важность внешнего фактора демократизации [Мельвиль, 2004: 114–115].

При этом внешнее вмешательство как фактор демократического транзита часто имеет агрессивный, принудительный характер, как это можно было наблюдать на примере Афганистана и Ирака, а также череды «цветных революций», в том числе на постсоветском пространстве. США в своей стратегии национальной безопасности даже прописали готовность силовыми методами продвигать и защищать демократию¹. Исследователи выделяют и более «мирные» способы принуждения к реформам, например, посредством неправительственных организаций (НПО) и международных финансовых структур [Немчинова, 2012]. Как показывает опыт, насильственное навязывание демократического транзита является наименее эффек-

¹ The National Security Strategy of the United States of America // The White House. 02.09.2002. Available at: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (accessed: 27.09.2021).

тивным способом формирования устойчивых политических институтов и политических традиций, свойственных демократическим государствам.

Так или иначе, теоретические работы, в которых изучалась практика транзита в обществах, переходящих от авторитарного типа правления, дают возможность получить представление об основных факторах, определяющих успех или провал попыток демократизации в том или ином государстве.

Страны постсоветского пространства также теоретически должны были следовать в фарватере тренда на постепенную эволюцию в сторону более демократических форм правления. В рамках данного исследования рассмотрены конкретные особенности процессов смены власти в государствах Центральной Азии и Южного Кавказа и предпринята попытка оценить, насколько они вписываются в существующую теорию транзита и как в свою очередь ее положения позволяют интерпретировать современное состояние и перспективы развития политической ситуации в регионе.

Сценарии транзита власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа

За 30 лет самостоятельного развития, прошедших с момента получения независимости в 1991 г., в странах Центральной Азии и Южного Кавказа транзит власти, или передача ее от одного руководителя либо группы руководителей, осуществлялся множество раз, разными способами и при самых разных обстоятельствах. По своему характеру транзит, или смена власти — один из наиболее сложных и уязвимых элементов развития политических процессов в системе отношений власти и общества, так как сопряжен со сменой держателя высшей власти в государстве, а значит, сам по себе является серьезным риском для устойчивости политической системы и эффективности работы государственного аппарата. При этом уже сам выбор того или иного конкретного сценария транзита дает основания для формирования определенных представлений об уровне развития политической системы, ее зрелости в каждой отдельно взятой стране.

Приход нового руководителя, как правило, связан с изменением приоритетов, видения, целей и методов управленческого процесса. Смена руководителя — это и смена внутриэлитного баланса сил, перераспределение власти и контроля как в политической системе,

так и в государстве в целом. Это справедливо и в случае, если новый глава является преемником курса своего предшественника. Еще более серьезный вызов для государства возникает, если к власти посредством любого из типов транзита приходит оппозиция, контрэлита или антагонист уходящего руководителя. В этих случаях возможны разные сценарии — от люстрации, политического и уголовного преследования потерявших власть политиков, перераспределения капитала до вполне мирного продолжения работы после трансформации связки власть—оппозиция. При этом конфигурация данных рисков схожа как для стран с развитыми и устойчивыми политическими системами, так и для условно молодых государств с формирующимися институтами и небольшим опытом смены власти. Правда, опасность вызова многократно возрастает для последних, так как таким государствам — с формирующимися институтами, традициями, политической культурой — часто присущ запредельный уровень персонификации власти. Как следствие, ее смена может привести к кардинальному пересмотру законодательства, политических правил игры, вообще политического строя в стране, что происходило не раз на Южном Кавказе и в Центральной Азии.

Для того чтобы проанализировать особенности процессов смены власти в обозначенном регионе, в данной статье использовались как собственные теоретические наработки автора, так и результаты ряда отечественных исследований, посвященных изучению типов транзита власти на постсоветском пространстве [Преемники и преемничество в современной политике, 2014]. Это позволило выделить и концептуализировать несколько основных сценариев смены власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа в период с 1991 по 2021 г.:

- революционный сценарий — насильственная, неконституционная смена власти;
- внутриэлитный консенсус после смерти руководителя — выбор ограниченной элитной группой нового руководителя после смерти прежнего;
- преемник — передача власти от действующего руководителя выбранному им сменщику;
- династический сценарий — передача власти от действующего руководителя члену его семьи (подвид преемника);
- демократический сценарий — переход власти от одного руководителя к другому через демократическую процедуру выборов;

- уход президента в отставку — досрочное сложение президентом своих полномочий.

Рассмотрим каждый из обозначенных сценариев подробнее и проанализируем причины выбора каждого из типов транзита.

Революционный сценарий

Несмотря на то что с точки зрения стабильности и устойчивости государства революционный сценарий является, пожалуй, самым негативным и разрушительным, в странах Южного Кавказа и Центральной Азии он наиболее распространен. Всего в регионе в период с 1991 до 2021 г. он был реализован шесть раз: трижды в Киргизии — в 2005, 2010 и 2020 гг., дважды в Грузии — в 1992 и 2003 гг. и в Армении в 2018 г.

Причины столь частого повторения этого сценария на постсоветском пространстве могут быть связаны с целым комплексом проблем развития и становления политических систем молодых государств, их неспособностью в краткие сроки сформировать такой социально-политический формат отношений власти и общества, который бы максимально отвечал особенностям конкретных стран и создавал условия и механизмы для стабильной сменяемости элит или реагирования на точки напряжения. Нельзя также отбрасывать и внешний фактор как триггер для подготовки и запуска революционной смены власти.

Чаще, чем где бы то ни было в регионе, рассматриваемый сценарий воплощался в Киргизии. Во многом это обусловлено спецификой социально-политического уклада республики. Киргизское общество в силу особенностей гористой географии и кочевого образа жизни традиционно формировалось из небольших общин, каждая из которых имела свой ареал жизни и вела изолированную хозяйственную деятельность. Как следствие, политическая конфигурация современного общества представляет собой совокупность множества региональных групп, которые объединяются в субрегиональные кланы ситуативно в борьбе за власть и ресурсы. Каждая группа или клан через представительство во власти стремится обеспечить свои экономические и политические интересы. Идеальное стабильное состояние для такой системы могло бы заключаться в сбалансированном представительстве региональных групп во власти, но в условиях ограниченных ресурсов в Киргизии, постепенного разрушения оставшихся в наследие от СССР политических институтов

и традиций такая сбалансированная модель становится всё менее достижимой. Как результат, Киргизия за 30 лет независимости трижды пережила неконституционную смену власти.

В 2005 г. в республике случился первый переворот, когда правивший с момента получения независимости президент Аскар Акаев был свергнут в результате «тюльпановой революции». Косвенной внешней причиной переворота стали итоги парламентских выборов, а также последствия аксыйских событий, когда в ходе протеста оппозиции в связи с решением передать КНР спорный участок границы погибли несколько человек. Базовой же предпосылкой к перевороту стало системное недовольство южных кланов монополизацией всей полноты власти в руках представителя севера, его семьи и окружения [Болпонова, 2015].

Внешнее участие в свержении Аскара Акаева проявилось в классическом для «цветных революций» наборе инструментов, подготовка которых велась в течение нескольких лет. В первую очередь с момента обретения независимости в рамках либерализации общественных процессов в республике регистрировались и начали работу огромное количество неправительственных организаций, имеющих западное финансирование. Формальные цели деятельности НПО были связаны с решением множества социально значимых вопросов, таких как обеспечение прав человека, гендерное равенство и др., но ряд организаций занимались проблемами эффективности работы государственных структур, правоохранительных органов, поддержкой оппозиции. Сама по себе системная работа неправительственного сектора привела к формированию в стране активного, образованного, умеющего продвигать свою повестку класса, состоящего в основном из молодых людей, который имел альтернативную государственной программу. Параллельно в республике стали развиваться независимые от государства средства массовой информации, которые формировали альтернативное информационное пространство, чаще критикуя действия властей. Тесное сотрудничество новых акторов внутренней политики с оппозицией при поддержке западных политических кругов и посольств позволило сформировать в республике критическую массу несогласных с властями активных граждан, которые стали активно поддерживать оппозицию и выступать против руководства страны. Непосредственно в Киргизии критика властей строилась вокруг выборов в парламент в марте 2005 г., по итогам которых пропрезидент-

ские партии без участия оппозиции сформировали законодательный орган. Образовался негативный для руководства страны информационный фон, подрывавший легитимность итогов выборов на фоне активных протестов оппозиции, который привел сначала к массовым митингам, а затем — к свержению Аскара Акаева [Семенова, 2014].

Пришедшая к власти в результате переворота группа оппозиционеров во главе с бывшим премьер-министром, представителем крупного южного клана Курманбеком Бакиевым сумела в сжатые сроки установить контроль над ситуацией в республике. Сам Бакиев, который был выдвинут от взявшей власть группы оппозиционеров, не только сумел через победу в новых президентских выборах легитимизировать свое нахождение на высшем посту, но и в течение нескольких месяцев отстранил от управления своих соратников по революции и монополизировал в своих руках всю полноту полномочий. Так, один из братьев президента, Жаныш Бакиев, был назначен руководителем Службы государственной охраны, другой брат, Жусуп, стал главой совета Джалал-Абадской области, еще один брат, Марат, в 2005 г. был отправлен послом в Германию. Для младшего сына президента, Максима, специально создали Центральное агентство по развитию, инновациям и инвестициям (ЦАРИИ), которое получило под свой контроль ключевые государственные активы [Притчин, 2020].

Нарушение внутриэлитного, регионального баланса в итоге привело к росту недовольства отстраненных от власти групп как с юга, так и с севера Киргизии, которые консолидированно выступили против клана Бакиева. В результате нового переворота, приведшего к гибели около 80 человек, Бакиев и его семья были вынуждены сначала бежать на юг республики, а потом покинуть страну. В итоге к власти пришло временное правительство, которое возглавила Роза Отунбаева².

В третий раз революционный сценарий смены власти в Киргизии был осуществлен в ноябре 2020 г., когда по итогам парламентской кампании в законодательный орган прошли только три партии, представляющие в основном интересы южных кланов³. Действу-

² Государственный переворот в Киргизии в апреле 2010 года // РИА Новости. 07.04.2015. Доступ: <https://ria.ru/20150407/1056918305.html> (дата обращения: 20.06.2021).

³ Выборы в Киргизии: в парламент проходит лишь три партии // Regnum. 05.10.2020. Доступ: <https://regnum.ru/news/polit/3081695.html> (дата обращения: 20.06.2021).

ющий президент, выходец с юга Сооронбай Жээнбеков, благодаря установлению полного контроля над парламентом планировал сконцентрировать власть в своих руках в условиях президентско-парламентской политической системы. Оказавшиеся за бортом политические силы вместе с внесистемными игроками в результате многодневных протестов сначала вынудили правительство отменить итоги выборов, а затем заставили президента подать в отставку. В результате к власти пришли оппозиционеры, представляющие коалицию трех крупных групп влияния. Президентом стал выходец из Иссык-Кульской области Садыр Жапаров, главой Комитета государственной безопасности — южанин Камычбек Ташиев, а спикером парламента — также южанин Талант Мамытов⁴. В истории независимой Киргизии такая коалиция разных региональных групп правит впервые, и именно ее широкое представительство на нынешнем этапе развития политических процессов обеспечивает максимальную внутриклановую легитимность. Таким образом, как показывает опыт Киргизии, устойчивость любой власти зависит от поддержания регионального баланса внутри политического истеблишмента, поэтому любые шаги по монополизации рычагов управления могут привести к повторению революционного сценария.

Второй бывшей республикой СССР по количеству прецедентов неконституционной смены власти стала Грузия — здесь это случилось дважды. 1990-е годы⁵ и начало 2000-х⁶ оцениваются как период перманентного кризиса: экономический коллапс, высочайшая коррупция, нерешенные конфликты с Абхазией и Южной Осетией, приведшие к войнам и тяжелым поражениям, сложности с автономией Аджарии — всё это накладывалось на особенности политического лидерства в республике, когда всенародная любовь и поддержка общества стремительно сменялись ненавистью и готовностью к свержению вчерашнего фаворита. Оба прецедента насильственной смены власти имели схожие сценарии. В январе 1992 г. первый пре-

⁴ Революция по-быстрому. Киргизы сменили власть за десять дней. Почему в республике так легко совершить переворот? // Lenta.ru. 21.10.2020. Доступ: <https://lenta.ru/articles/2020/12/31/kirgiziada/> (дата обращения: 20.05.2021).

⁵ Крутиков Е. С Гамсахурдии началась эпоха саморазрушения Грузии // Взгляд. Деловая газета. 27.05.2021. Доступ: <https://vz.ru/world/2021/5/27/1101380.html> (дата обращения: 20.06.2021).

⁶ «Революция роз» в Грузии в ноябре 2003 года // РИА Новости. 23.11.2013. Доступ: <https://ria.ru/20131123/978914952.html> (дата обращения: 20.05.2021).

зидент независимой Грузии Звиад Гамсахурдия бежал из страны после нескольких недель военного противостояния на улицах Тбилиси. Всего за несколько месяцев до этого он был избран на всенародных выборах с результатом 87% голосов⁷. На смену ему пришел опытный функционер, бывший глава МИД СССР Эдуард Шеварднадзе, который на первом этапе был с большим воодушевлением и надеждами воспринят грузинским обществом. Сначала он стал председателем парламента республики, а после введения должности президента и проведения выборов в 1995 г. набрал высокие 73% голосов⁸. Но в 2003 г. в результате первой «цветной революции» на постсоветском пространстве он был свергнут командой молодых политиков во главе с Михаилом Саакашвили.

В 2003 г. в Грузии впервые на территории бывшего Советского Союза была организована цветная «революция роз». Помимо уже отмеченных инструментов, применяемых западными политическими кругами для подрыва позиций неугодных режимов, в виде активного использования развитого неправительственного сектора и поддержки независимой прессы в Грузии США заранее подготовили в своих учебных заведениях новых оппозиционных лидеров — Михаила Саакашвили и его соратников, а также обеспечили через своих советников координацию действий оппозиции⁹. К власти в результате переворота вместо руководителей старшего поколения, имевших опыт управления еще в советское время, пришла команда оппозиционеров с западным образованием и соответственно прозападной ориентацией. При этом молодые лидеры республики долгое время были частью команды Эдуарда Шеварднадзе и лишь в решающий момент перешли в оппозицию к нему.

Новое руководство страны пришло к власти с колоссальным уровнем поддержки грузинского населения. По итогам президентских выборов Михаил Саакашвили набрал 95% голосов при явке 83%¹⁰.

⁷ История выборов президента Грузии // ТАСС. 25.10.2013. Доступ: <https://tass.ru/blizhnee-zarubezhe/711116> (дата обращения: 20.09.2021).

⁸ Биография Эдуарда Шеварднадзе // РИА Новости. 25.01.2013. Доступ: <https://ria.ru/20130125/919601057.html> (дата обращения: 20.06.2021).

⁹ Биография Михаила Саакашвили // РИА Новости. 21.12.2017. Доступ: <https://ria.ru/20171221/1511261274.html> (дата обращения: 20.05.2021).

¹⁰ М. Саакашвили станет президентом Грузии // РБК. 05.01.2004. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/05/01/2004/5703b5ca9a7947783a5a4f88> (дата обращения: 20.05.2021).

В Армении развитие революционного сценария в 2018 г. происходило на фоне масштабной конституционной реформы, в рамках которой республика из президентской превращалась в парламентскую. Неожиданным для политического класса и общественности стал факт, что инициатор реформы, президент Серж Саргсян, обещавший не использовать ее для сохранения своей личной власти, всё же решил пересесть из кресла президента в кресло премьер-министра. Это стало во многом поворотной точкой, и оппозиционный лидер Никол Пашинян воспользовался ситуацией для завоевания общественных симпатий. В результате активной агитационной деятельности ему удалось «разбудить» улицу и при помощи своих сторонников заставить правительство Саргсяна уйти в отставку и объявить досрочные выборы, по итогам которых Пашинян сам возглавил Армению [Арзуманян, 2019].

Анализируя причины реализации революционного сценария, мы можем выявить общие условия, характерные для всех его кейсов в выбранном нами регионе. Помимо сложной социально-экономической ситуации во всех рассмотренных случаях пережившим неконституционную смену власти странам также присущи следующие черты:

- наличие протестных настроений в обществе (необходимая социальная база протеста);
- наличие контрэлиты, претендующей на власть или недовольной распределением ресурсов в государстве, а также раскол в элитах (по клановому, региональному, поколенческому принципам);
- внешний фактор (конфликт руководства страны с внешним игроком, у которого есть ресурсы и инструменты для запуска и реализации революционного сценария) — правда, не во всех рассмотренных случаях.

Этот сценарий с высокой долей вероятности будет повторяться в странах Центральной Азии и Южного Кавказа и впредь. Как правило, у оппозиции здесь нет законных возможностей выиграть выборы и прийти к власти, а уровень готовности правящих элит к решению конфликтов между разными фракциями и группами интересов остается очень низким. С точки зрения доминирующих в теории демократического транзита подходов революционный сценарий может рассматриваться как наиболее уязвимый. С одной стороны, свержение авторитарного руководителя посредством насильственного захвата власти теоретически может открыть путь

к более демократическому правлению при условии, что новые политические силы не будут повторять ошибки предшествующего режима. С другой стороны, каждый подобный транзит приводит к ослаблению государственных институтов и государства в самом широком понимании, снижает доверие к правоохранительным органам, размывает правовые рамки борьбы за власть. В итоге успешный насильственный захват власти с большой долей вероятности создает предпосылки для новых переворотов.

Внутриэлитный консенсус после смерти руководителя

Ключевой предпосылкой реализации данного сценария транзита является ситуация, когда власть в стране была длительное время сосредоточена в руках одного человека, а вопрос выбора преемника встал только после его смерти. На постсоветском пространстве данный сценарий был реализован дважды. В Туркменистане в 2006 г. после смерти первого президента республики Сапармурата Ниязова был выбран Гурбангулы Бердымухамедов. В Узбекистане в 2016 г. место умершего президента Ислама Каримова занял премьер-министр республики Шавкат Мирзиёев. Оба умерших президента руководили государствами с момента обретения ими независимости. И Узбекистану, и Туркменистану была свойственна жесткая, авторитарная модель управления, когда президент является фактически единоличным руководителем, от решений которого зависит всё в государстве.

Туркменистан традиционно считается самой закрытой страной постсоветского пространства. С получением независимости первый президент республики Сапармурат Ниязов заметно усилил свою личную власть, шаг за шагом не только устраняя любые юридические и политические возможности ее ограничения, но и создавая полноценный культ личности, который фактически заменил стране коммунистическую идеологию. Так, на выборах он, как правило, был безальтернативным кандидатом, набирая 98–99% голосов. Уже в 1993 г. решением парламента он был провозглашен главой всех туркмен — «Туркменбаши». В том же году была выдвинута идея продлить полномочия главы государства до 2002 г. без перевыборов, позже на всенародном референдуме предложение было поддержано¹¹. Помимо этого частью управленческого метода Ниязова стали репрес-

¹¹ Выборы президента Туркменистана. Досье // ТАСС. 10.02.2017. Доступ: <https://tass.ru/info/4013485> (дата обращения: 20.05.2021).

сии в отношении высокопоставленных чиновников, позволявшие ему держать под полным контролем весь государственный аппарат¹².

По официальным сообщениям, в ночь с 20 на 21 декабря 2006 г. Ниязов скончался от остановки сердца¹³. Согласно Конституции республики временно исполняющим обязанности президента страны до избрания нового главы должен был стать председатель парламента Овезгельды Атаев, но он внезапно был арестован и отстранен от должности, а и.о. главы Совета безопасности Туркменистана и главой комиссии по организации похорон Ниязова был назначен заместитель председателя кабинета министров Гурбангулы Бердымухамедов. По утверждениям туркменских оппозиционеров, ближайшее окружение Ниязова — министр обороны Агагельды Мамедгельдыев, глава МИД Рашид Мередов и глава личной охраны покойного Туркменбаши Акмурад Реджепов — сделали ставку не на Атаева, а на казавшегося им слабым Бердымухамедова, чтобы впоследствии править страной за его спиной¹⁴. Поначалу этот план в целом удался. В рамках чрезвычайного съезда Народного совета, прошедшего 26 декабря, были выдвинуты кандидаты на предстоявшие выборы. 11 февраля 2007 г. Бердымухамедов был избран президентом Туркменистана, за него проголосовали 89,23% принявших участие в выборах избирателей¹⁵. Однако планы выдвинувших нового лидера высокопоставленных чиновников не оправдались. Бердымухамедов быстро освоился на новом посту и переключил на себя все механизмы принятия решений, а окружение Ниязова либо было вынуждено быстро перестроиться и выразить свою лояльность новому лидеру, либо было отправлено в отставку¹⁶.

¹² Сидорчик А. Товарищ Ниязов, отец всех туркмен. Как сирота из Ашхабада стал Туркменбаши // Аргументы и факты. 19.02.2020. Доступ: https://aif.ru/society/history/tovarishch_niyazov_otec_vseh_turkmen_kak_sirota_iz_ashhabada_stal_turkmenbashi (дата обращения: 20.05.2021).

¹³ Бологов П. Осиротели. На 67-м году жизни скончался «отец всех туркмен» Сапармурат Ниязов // Lenta.ru. 21.12.2006. Доступ: <https://lenta.ru/articles/2006/12/21/turkmenbashi/> (дата обращения: 20.05.2021).

¹⁴ Соловьев В., Зыгарь М. Умер пожизненный // Коммерсантъ. 22.12.2006. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/732435> (дата обращения: 15.05.2021).

¹⁵ Новым президентом Туркмении стал Курбанкули Бердымухаммедов // РИА Новости. 14.02.2007. Доступ: <https://ria.ru/20070214/60695708.html> (дата обращения: 15.05.2021).

¹⁶ Зыгарь М. Скорбно-наскоро // Коммерсантъ. 27.12.2006. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/733420> (дата обращения: 15.05.2021).

После перестройки политического руководства под нового президента характер политической системы не поменялся. Туркменистан сохранил все черты жесткого авторитарного государства с неограниченной властью президента.

В примерно схожих условиях происходил транзит власти в соседнем Узбекистане. Первый глава республики с момента получения ею независимости Ислам Каримов выстроил строгую вертикаль власти, при которой он имел неограниченное право на участие в президентских выборах и был ключевой фигурой государственного управления, правда, в несколько меньшей степени, чем в Туркменистане.

К моменту резкого ухудшения здоровья в августе 2016 г. Ислам Каримов уже более 25 лет возглавлял независимый Узбекистан. Каких-либо явных признаков подготовки преемника и возможности передачи ему власти Каримовым в последние годы его правления отмечено не было, поэтому сразу же после его смерти 2 августа встал вопрос о том, кто будет вторым президентом Узбекистана. С учетом закрытого характера политической и информационной систем республики публичных дискуссий о том, кто может быть следующим главой государства, не велось. Решение о консолидированном кандидате от власти принималось за закрытыми дверями узким кругом ближайших соратников умершего президента, в число которых, по разным данным, входили глава Службы национальной безопасности Рустам Иноятов, премьер-министр Шавкат Мирзиёев, вице-премьер и министр финансов Рустам Азимов и некоторые другие.

По итогам переговоров преемником Ислама Каримова был предложен бывший губернатор Самаркандской области, а с 2003 г. — глава правительства Шавкат Миромонович Мирзиёев, который был назначен на пост главы комитета по организации похорон первого президента. При этом не обошлось без небольшого юридического казуса при процедуре выдвижения. Согласно обновленной версии Конституции, принятой в 2011 г., временно исполняющим обязанности главы государства в случае невозможности выполнения своих обязанностей президентом Узбекистана назначается председатель Сената с проведением выборов в течение трех месяцев¹⁷. Однако спикер Сената Нигматула Юлдашев на первом же заседании взял самоотвод в пользу премьер-министра, который совместил две

¹⁷ Конституция Республики Узбекистан // Constitution.uz. 08.12.1992. Доступ: <http://constitution.uz/ru/clause/index#section23> (дата обращения: 20.05.2021).

ключевые должности — и.о. президента и главы комитета по организации похорон¹⁸.

На состоявшихся 4 декабря 2016 г. досрочных президентских выборах Шавкат Мирзиёев безоговорочно победил составивших ему конкуренцию четырех номинальных соперников и набрал 88,61% голосов избирателей¹⁹.

Анализируя особенности данного типа смены власти, можно обозначить необходимые условия для его реализации:

- наличие лидера, находящегося у власти неограниченное количество сроков до своего физического ухода с политической арены;
- консолидированный подход политической элиты;
- наличие влиятельного медиатора, не претендующего на власть;
- наличие мощного и влиятельного силового блока;
- низкий уровень демократизации, слабый класс собственников, подконтрольность прессы.

С точки зрения оценки уровня развития политических систем этот сценарий, пожалуй, является одним из наиболее архаичных и демонстрирующих совершенную неразвитость политических институтов, которые бы позволяли руководителю государства уйти со своего поста до физической смерти. Вместе с тем в условиях постепенной либерализации политических режимов на постсоветском пространстве, в частности, тот же Узбекистан заметным образом изменился за прошедшие пять лет после смерти Ислама Каримова, поэтому можно прогнозировать снижение частоты запуска данного сценария, так как «открытие» политических процессов требует от любого руководителя более предсказуемого подхода, соответственно возрастает запрос на другие сценарии, например «преемник».

Преемник

Сценарий «преемник» очень распространен не только в транзитных с точки зрения развития политических процессов странах, но

¹⁸ Врио президента Узбекистана — Шавкат Мирзиёев, Юлдашев «взял самоотвод» // Eurasia Daily. 08.09.2016. Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2016/09/08/vrio-prezidenta-uzbekistana-shavkat-mirziyev-yuldashev-vzyal-samootvod> (дата обращения: 20.05.2021).

¹⁹ Об итогах выборов президента Республики Узбекистан 4 декабря 2016 года // ЦИК Республики Узбекистан. 17.07.2021. Доступ: <https://www.saylov.uz/ru/docs/2016-jil-4-dekabr-kuni-bolib-otgan-ozbekiston-respublikasi-prezidenti-sajlovi> (дата обращения: 20.10.2021).

и в развитых государствах, так как позволяет уходящему лидеру благодаря правильно подобранному кандидату на высший пост обеспечить преемственность политического курса и гарантировать неприкосновенность собственных интересов и интересов своих приближенных. Тем не менее, несмотря на привлекательность этого сценария, в выбранном нами регионе он был реализован лишь три раза. При этом только один из них, в Армении в 2008 г., может считаться завершенным и относительно успешным.

В 2008 г. в Армении заканчивался второй и последний президентский срок Роберта Кочаряна, который находился у власти с 1998 г. Представители так называемого карабахского клана (выходцы из Нагорного Карабаха, которые в 90-е годы прошлого века как лидеры непризнанной республики и герои армяно-азербайджанской войны постепенно интегрировались в армянскую политическую элиту и со временем заняли в ней доминирующие позиции) рассчитывали сохранить власть в своих руках, поэтому приняли решение выбрать следующего президента из своих рядов. В качестве преемника Кочарян предложил кандидатуру Сержа Саргсяна — своего близкого соратника, который также начал карьеру в Нагорном Карабахе, а затем продолжил ее уже в Армении. Серж Саргсян к моменту выдвижения на главный пост в стране имел очень широкий послужной список. Он работал на посту главы МВД, Министерства национальной безопасности, был руководителем администрации президента, главой Министерства обороны Армении, а с апреля 2007 г. — премьер-министром страны²⁰.

По итогам голосования 19 февраля 2008 г. Серж Саргсян победил в первом туре президентских выборов, набрав 52,82% голосов. Основную конкуренцию ему составил первый президент Армении Левон Тер-Петросян, получивший 21,50%. Инаугурация нового главы государства состоялась 9 апреля 2008 г.²¹

Несмотря на достаточно уверенную победу Саргсяна, политическая ситуация в стране после подведения итогов голосования накалилась до предела. Сторонники Левона Тер-Петросяна не признали победу представителя карабахского клана и вышли на многочисленные акции протеста. В течение нескольких дней центральные

²⁰ Третий президент Республики Армения // Президент Республики Армения. Доступ: <https://www.president.am/ru/serzh-sargsyan/> (дата обращения: 13.05.2021).

²¹ Серж Саргсян Азатович // Энциклопедия ТАСС. Доступ: <https://tass.ru/encyclopedia/person/sargsyan-serzh-azatovich> (дата обращения: 20.05.2021).

улицы Еревана были переполнены протестующими. 1 марта власти перешли к решительным действиям и начали силовой разгон. В результате столкновений, по данным генеральной прокуратуры, погибли 8 демонстрантов и 2 сотрудников полиции, пострадали также 180 полицейских и 48 гражданских лиц. 2 марта Роберт Кочарян ввел в столице режим чрезвычайного положения на 20 дней. Под давлением властей лидер оппозиции Тер-Петросян 2 марта призвал своих сторонников разойтись по домам²². Лишь после этого ситуация постепенно стала стабилизироваться. Попытка революционного сценария провалилась, действующей власти удалось переиграть оппозицию²³.

В конце 2011 г. на состоявшихся президентских выборах в Киргизии победителем стал выходец с севера, уроженец Чуйской долины республики Алмазбек Атамбаев. Он вступил в свои полномочия уже по новой Конституции, согласно которой глава государства имеет право только на один шестилетний президентский срок. Сделано это было намеренно для того, чтобы любой пришедший к власти политик не смог монополизировать ее, как это делали предшественники.

В целом Атамбаев избежал ошибок предыдущих президентов благодаря выстраиванию альянсов с отдельными южными кланами и рекрутированию их на государственные посты, гибко сохраняя баланс севера и юга, а также активно вовлекал северные политические группы в коалицию, тем самым стараясь за счет умелой игры на противоречиях разных сил и внутренних политических акторов выстраивать устойчивую политическую систему. Несмотря на призывы пересмотреть Основной закон и создать возможность для еще одного срока, Атамбаев отказался это делать и за несколько месяцев до очередных выборов в 2017 г. запустил преемнический сценарий.

В качестве своего сменщика киргизский президент выбрал действующего премьер-министра, южанина Сооронбая Жээнбекова. Транзит власти по сценарию «преемник» на первой стадии в целом был осуществлен достаточно успешно. Атамбаеву, несмотря на стартовый рейтинг доверия Жээнбекова на уровне 3%, за счет агрессивной агитационной кампании удалось добиться победы сво-

²² Петросов К. Беспорядки в Армении: как это было // РИА Новости. 03.03.2008. Доступ: <https://ria.ru/20080303/1005> (дата обращения: 20.05.2021).

²³ Бунт в Армении. 10 лет спустя // Кавказский узел. 01.03.2018. Доступ: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/258019/> (дата обращения: 20.05.2021).

его ставленника с результатом 56% голосов²⁴. Ценой такого успеха стало заметное ухудшение отношений с соседним Казахстаном, который поддержал оппонента провластного кандидата Омурбека Бабанова. После победы Жээнбекова сценарий «преемник» начал давать сбои. Между Атамбаевым и его протеже начались сначала трения, а затем публичные конфликты, которые в итоге привели к разрыву отношений, а после — и к полноценному противостоянию, закончившемуся лишением конституционной неприкосновенности Атамбаева, его силовым арестом и осуждением на 11 лет²⁵.

Устранив Атамбаева как своего оппонента, Жээнбеков начал консолидацию власти в своих руках, причем он в основном опирался в своей политике на южные кланы, что привело к нарушению регионального баланса. Как результат в ноябре 2020 г. он был свергнут в результате третьей революции в республике²⁶.

В соседнем Казахстане до 2019 г. власть не менялась с момента обретения независимости в 1991 г., а единственным главой государства был Нурсултан Абишевич Назарбаев. Выходец из Старшего жуза²⁷, опытный партийный лидер, он после получения независимости Казахстана сумел перестроить политическую систему республи-

²⁴ Абдураулов А. Выборы в Киргизии: первая в стране мирная передача власти // BBC. 15.10.2017. Доступ: <https://www.bbc.com/russian/features-41628261> (дата обращения: 20.05.2021).

²⁵ Бушуев М. 11 лет тюрьмы для экс-президента: как Атамбаев провалил операцию «Преемник» // Deutsche Welle. 25.06.2020. Доступ: <https://www.dw.com/ru/11-лет-тюрьмы-для-экс-президента-как-атамбаев-провалил-операцию-преемник/a-53941735> (дата обращения: 20.05.2021).

²⁶ Иванова Е., Сейбиль Н. Смена власти в Киргизии: кто стоит за «играми престолов» // Новые известия. 06.10.2020. Доступ: <https://newizv.ru/article/general/06-10-2020/smena-vlasti-v-kirgizii-kto-stoit-za-igrami-prestolov> (дата обращения: 20.05.2021).

²⁷ Казахское общество состоит из Старшего, Среднего и Младшего жузов — объединений кланов и семей, сформированных по географическому принципу. Согласно существующей системе распределения постов внутри страны главой государства (ранее — первый секретарь Казахской ССР, позже — президент) должен быть представитель крупнейшего и влиятельнейшего Старшего жуза. Кроме того, существовали распределение и квомирование присутствия во властной элите и других жузов, положение которых в настоящее время достаточно сложно изучать научно. При этом существует конкуренция между кланами внутри жузов. Так, если Назарбаев был представителем клана *шапраиты*, выходцы из которого занимают множество позиций в государственных структурах республики, то Токаев является выходцем из племени *жалайыр*. В таких условиях существуют предпосылки для скрытого противостояния между выходцами из *шапраиты* и действующим президентом.

ки таким образом, что при наличии видимых демократических атрибутов и черт рыночной экономики она сохранила суперпрезидентский характер, при котором главным актором и модератором политических процессов оставался глава государства. Имея высокую электоральную поддержку, Назарбаев еще в 2007 г. за счет конституционной реформы получил право неограниченного выдвижения своей кандидатуры на президентских выборах, тем самым создав условия для своего пожизненного пребывания у власти²⁸. При этом нововведения касались только «первого президента», любой преемник Назарбаева получал более короткий срок президентства (5 вместо 7 лет), а кроме того, не мог избираться более двух раз²⁹.

Развитие политических процессов, укрепление личной власти Назарбаева, получение им всё новых статусов и полномочий давали основание для прогнозирования повторения узбекского сценария с выбором преемника закрытым решением элиты после смерти президента. Однако именно узбекский пример подтолкнул Назарбаева к запуску сценария «преемник», правда, на своих условиях. В марте 2019 г. президент Казахстана заявил, что он уходит со своего поста, сохранив за собой закрепленный в Конституции статус первого президента, елбасы (лидера нации), главы Совета безопасности и лидера пропрезидентской партии «Нур Отан». В качестве своего преемника Назарбаев предложил кандидатуру своего давнего соратника — спикера Сената Касымжомарта Токаева. Поддержка первого президента и слаженная работа государственного аппарата позволили преемнику достаточно уверенно пройти легитимизацию через выборы. В ходе досрочного голосования в июне 2019 г. Токаев выиграл, набрав 70% голосов³⁰.

В результате запуска сценария «преемник» в Казахстане фактически сформировались два центра власти. Первый — президент Токаев, формальный глава государства, наделенный конституционными полномочиями, но из-за отсутствия сильной команды во властных структурах и противодействия политической элиты обладающий

²⁸ Азар И. Назарбаев получил пожизненный // Газета.ru. 18.05.2007. Доступ: https://www.gazeta.ru/2007/05/18/oa_239506.shtml (дата обращения: 20.05.2021).

²⁹ Воробьев В. Право на вечность // Российская газета. 19.05.2007. Доступ: <https://rg.ru/2007/05/19/nazarbaev.html> (дата обращения: 20.05.2021).

³⁰ Демченко Н. Токаев победил на выборах президента Казахстана // РБК. 10.06.2019. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/10/06/2019/5cfe84f39a79478973707faf> (дата обращения: 10.05.2021).

достаточно ограниченными влиянием и возможностями для продвижения своих инициатив. Второй — лидер нации Назарбаев, сохранивший доминирующее неформальное влияние на политические процессы в республике, а также имеющий и формальные инструменты.

С одной стороны, такая конфигурация стала определенным компромиссным решением, которое позволило избежать узбекского сценария и потенциального конфликта за пост президента между разными группами влияния, а также на время транзита гарантирует права собственности для крупного капитала Казахстана. С другой стороны, нынешний формат власти несет в себе серьезные риски из-за неформальной конкуренции между двумя президентами — бывшим и настоящим, неопределенности будущего развития ситуации (например, в ходе политической борьбы на следующих президентских выборах в 2024 г. или в случае внезапного возможного ухода с политической арены Назарбаева). Таким образом, нынешнее положение является промежуточным. Окончательное завершение транзита власти произойдет с уходом первого главы государства с политической сцены. При этом в рамках президентской кампании 2024 г. нельзя исключать, что одна из конкурирующих с Токаевым политических групп влияния выдвинет своего кандидата, и тогда Казахстан впервые в своей истории может вступить в период конкурентной политической борьбы, что может повлечь серьезные риски для стабильности в стране.

Завершая рассмотрение сценария «преемник», можно констатировать, что, несмотря на последовавшие протесты после запуска транзита власти, именно Армения на сегодняшний день демонстрирует единственный успешный и доведенный до конца пример данного типа в выбранном нами регионе. В Казахстане реализация подобного сценария еще продолжается, а в Киргизии он провалился.

Анализ прецедентов осуществления сценария «преемник» в странах Южного Кавказа и Центральной Азии дает основание выделить следующие необходимые условия для успешной его реализации:

- консенсусность кандидата в преемники, т.е. согласие всех заинтересованных политических сил с выдвинутой кандидатурой;
- наличие у нового лидера управленческих и лидерских качеств;
- факт легитимизации преемника через проведение выборов;
- посттранзитная лояльность — сохранение договоренностей между лидером и его преемником после передачи власти.

Риски для преемничества как модели транзита вытекают из характеристик его идеального сценария и включают:

- раскол элит при выборе преемника или посттранзитную дестабилизацию;
- неспособность преемника эффективно управлять государством;
- нелегитимность преемника;
- нарушение договоренностей между ним и экс-лидером;
- незавершенность процесса транзита (возможность и готовность формально отошедшего от власти руководителя за счет сохранившегося в его руках влияния пересмотреть ход передачи власти путем собственного возвращения на высшую должность или выдвижения нового преемника).

Династический сценарий

В целом он может рассматриваться как подвид предыдущего. За редким исключением большинство рассматриваемых стран вернулись к закрытой однопартийной или мультипартийной системе с доминированием исполнительной ветви власти, развитым силовым аппаратом и отсутствием полноценно работающих демократических институтов. При этом мы можем отметить закрытость элит, практику принятия решений без прямого вовлечения общества. Также большинству стран региона свойственна тенденция к архаизации — переходу к более традиционным системам общественных отношений и механизмам принятия решений (клановость, трайбализм и т.д.).

В мировой практике в странах со слабой государственностью, слабыми или отсутствующими электоральными институтами и традициями династический сценарий, когда преемником становится член семьи главы государства, чаще всего сын, оказывается зачастую единственным выходом для сохранения стабильности. При таком сценарии обеспечивается решение целого комплекса задач, стоящих перед властью на момент транзита. Во-первых, сохраняется преемственность внутри- и внешнеполитического курса, во-вторых, обеспечиваются гарантии безопасности и прав собственности для правящего класса, в третьих, решаются вопросы легитимности, поскольку причастность к правящей семье воспринимается традиционным, патриархальным, как правило, обществом уже достаточным фактором, дающим право на верховную власть в стране.

На сегодняшний день данный сценарий в выбранном регионе был реализован в Азербайджане в 2003 г., когда президент республики

Гейдар Алиев в качестве преемника предложил кандидатуру своего сына Ильхама, который к моменту запуска транзита уже имел серьезный управленческий опыт. Выпускник МГИМО, Ильхам Алиев много лет работал на разных позициях в Государственной нефтяной компании Азербайджана (ГНКАР), избирался депутатом Мелли Меджлиса, входил в руководство правящей партии «Ени Азербайджан». На фоне слухов об ухудшении здоровья Гейдара Алиева сначала Ильхам был избран премьер-министром, а затем его кандидатура была выдвинута на очередных президентских выборах президента. По итогам голосования, состоявшегося 15 октября 2003 г., Ильхам Алиев одержал победу, набрав 79,46% голосов избирателей³¹.

Высокий уровень поддержки отца, а также консолидированность политической элиты Азербайджана позволили обеспечить транзит власти без серьезных вызовов и рисков для стабильности страны. Позже, в рамках подготовки к парламентским выборам, часть соратников Гейдара Алиева, которые изначально составляли основу команды нового президента, выступили против него. Но попытка перехвата инициативы провалилась, а Ильхаму Алиеву удалось удержать власть и обеспечить победу пропрезидентской партии, тем самым закрепив свой статус полноценного руководителя Азербайджана.

В настоящее время в выбранном нами регионе наблюдается подготовка реализации династического сценария в Таджикистане и по ряду признаков — в Туркменистане. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон системно продвигает во властной вертикали своего сына Рустама, который сегодня является спикером парламента, поработав до этого мэром Душанбе. В Туркменистане также происходит поступательное повышение во властных структурах статуса сына президента республики Гурбангулы Бердымухамедова Сердара, который, трудившись долгое время в системе МИД республики, перешел на работу в парламент, а после этого получил пост вице-премьера правительства с широким набором сфер ответственности³².

Как уже было отмечено, сценарий «наследник» во многом пересекается с вариантом «преемник», соответственно условия успешной

³¹ Алиев Ильхам Гейдар оглы // ТАСС Энциклопедия. Доступ: <https://tass.ru/encyclopedia/person/aliev-ilham-geydar-ogly> (дата обращения: 10.05.2021).

³² Президент Туркмении Бердымухамедов «обкатал» преемника // Московский комсомолец. 12.02.2021. Доступ: <https://www.mk.ru/politics/2021/02/12/prezident-turkmenii-berdymukhamedov-obkatal-preemnika.html> (дата обращения: 10.05.2021).

их реализации по большинству пунктов совпадают. Однако, в отличие от сценария «преемник», внутрисемейный транзит является показателем еще более низкого уровня развития политической системы государства, так как больше присущ монархическому типу правления и носит скорее архаичный характер.

Демократический сценарий

Под демократическим сценарием мы понимаем переход власти от одного руководителя к другому через процедуру выборов. В контексте современных тенденций развития политических процессов в мире данный тип сценария, казалось бы, должен быть основным механизмом смены власти. Но многие страны, в том числе государства Центральной Азии и Южного Кавказа, лишь внешне перешли к конкурентной модели политических систем, в реальности же находящиеся в них у власти лица и группы интересов через неформальные механизмы стараются как контролировать отбор претендентов на высшие посты, так и модерировать в выгодном для себя ключе сам процесс «демократического» выбора населением нового руководителя.

Единственным прецедентом демократической смены власти стали парламентские выборы в Грузии в 2012 г. Находившийся на высшей должности с 2003 г. Михаил Саакашвили и его партия «Единое национальное движение» (ЕНД) проиграли выборы партийному проекту «Грузинская мечта» богатейшего грузинского бизнесмена Бидзини Иванишвили. По результатам выборов оппозиционная партия набрала 54,97% голосов против 40,43% у ЕНД³³. Ни до, ни после этого в выбранном регионе оппозиция не выигрывала выборы у правящей политической силы. Проигрыш ЕНД означал потерю ею власти и переход в статус оппозиции, в котором она пребывает до сих пор.

Разбирая причины грузинского прецедента, можно определить следующие необходимые условия для осуществления данного сценария:

- удержание политической борьбы в легальных рамках, наличие у оппозиции значительной электоральной базы и четкого политического проекта, а также финансовых ресурсов;
- независимые от власти СМИ;
- высокий уровень протестных настроений в обществе.

³³ Петяев А. Победа, в которую никто не верил: блок миллиардера Иванишвили выиграл выборы в Грузии // Forbes. 02.10.2012. Доступ: <https://www.forbes.ru/news/148770-pobeda-v-kotoruyu-ne-verili-blok-milliardera-ivanishvili-vyigral-vybory-v-gruzii> (дата обращения: 10.05.2021).

Ключевое отличие от всех других сценариев — проведение полноценных выборов с соблюдением прозрачности избирательного процесса, включая процедуру подсчета голосов. Во многом это было обеспечено в Грузии за счет присутствия западных неправительственных структур, которые создали условия для транспарентности избирательных процессов.

При этом важно отметить, что спустя 9 лет после смены власти в Грузии данный демократический сценарий там не повторялся, что еще раз подтверждает уникальность этого кейса и необходимость наличия строгих условий, обозначенных выше, для его осуществления. Сложно ожидать, что демократическая смена власти может произойти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа в ближайшие годы. Их политические системы институционально не готовы к конкурентной политике, которая рассматривается как подрыв устойчивости государственности.

Уход президента в отставку

В истории стран Южного Кавказа (но не Центральной Азии) несколько раз случались ситуации, когда глава государства под давлением оппозиции или иных причин вынужден был уходить в отставку. При этом в какой-то степени данный сценарий близок к революционному, так как к власти в этих странах приходила оппозиционная политическая сила. Но существенным отличием от революционного сценария было то обстоятельство, что в рамках реализации данных прецедентов не предпринималось насильственных действий по отстранению от власти главы государства с последующим физическим захватом государственных учреждений. Давление в основном осуществлялось в виде целенаправленных акций протеста с призывами уйти с поста либо саботирования работы органов власти.

Примечательно, что все прецеденты ухода в отставку в той или иной степени были связаны с нагорно-карабахским конфликтом. Так, в 1992 г. из-за катастрофического развития ситуации в Нагорном Карабахе, а также неспособности установить контроль над правительством и силовым блоком был вынужден уйти в отставку последний глава АзССР, а затем первый президент независимого Азербайджана Аяз Муталибов. Правда, спустя два месяца, после того как в мае азербайджанские войска отступили из символически важного города Шуши, Муталибов предпринял попытку вернуться во власть. 4 мая 1992 г. Верховный Совет Азербайджана проголосовал за

восстановление его полномочий в должности главы государства. Но он смог продержаться у власти всего сутки и был вынужден бежать из страны из-за противодействия Народного фронта Азербайджана, влиятельного национально-демократического движения³⁴.

Аяз Муталибов сменил яркий лидер Народного фронта Абульфаз Эльчибей, который, набрав 59,6% голосов, в июне 1992 г. стал первым всенародно избранным президентом Азербайджана [Насибова, 2019: 83]. Однако и его правление, несмотря на большую народную поддержку на момент избрания, оказалось предельно коротким. Дальнейшее негативное развитие обстановки на карабахском фронте и ухудшение социально-экономической ситуации в стране заставили его покинуть свой пост. В ответ на вспыхнувший в Гяндже военный мятеж он в ночь с 17 на 18 июня покинул Баку и улетел в Нахичевань. В целях легитимизации ухода президента в отставку 28 августа 1993 г. был проведен референдум о доверии ушедшему в отставку президенту. 97,5% принявших участие в голосовании граждан страны выразили недоверие Абульфазу Эльчибею. На последующих президентских выборах победу одержал бывший первый секретарь АзССР Гейдар Алиев³⁵.

Как видно из обоих случаев, серьезное общественное недовольство в связи с нагорно-карабахским конфликтом стало во многом триггером для запуска транзита власти в Азербайджане. Тема конфликта, только уже в контексте урегулирования замороженного противостояния, стала одной из важнейших причин ухода в отставку в 1998 г. и первого президента Армении Левона Тер-Петросяна. Наиболее популярной версией причины такого решения главы государства является раскол в руководстве Армении из-за выбора подходов к разрешению конфликта с Азербайджаном. Считается, что Тер-Петросян был сторонником так называемого поэтапного урегулирования, а его оппоненты — премьер-министр Роберт Кочарян, министр внутренних дел и национальной безопасности Серж Саргсян, министр обороны Вазген Саргсян и руководство Нагорно-Карабахской Республики — выступали за пакетный вариант,

³⁴ Приймак А. Зардушт Ализаде: После краха СССР азербайджанцы потеряли все // Eurasia Daily. 12.08.2016. Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2016/08/12/zardusht-alizade-posle-kraha-sssr-azerbaydzhancy-poteryali-vse> (дата обращения: 20.05.2021).

³⁵ Абульфаз Гадиркули оглы Эльчибей // Кавказский узел. 30.09.2010. Доступ: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/176129/> (дата обращения: 20.05.2021).

т.е. комплексное единовременное решение проблемы³⁶. Функции исполняющего обязанности главы государства были возложены на премьер-министра Роберта Кочаряна, который впоследствии выиграл выборы и стал вторым президентом Армении.

Анализируя все прецеденты реализации данного сценария смены власти, мы можем выделить несколько объединяющих их черт:

- наличие внутриэлитного конфликта, часто в форме появления фронды в руководстве страны действующему главе;
- наличие серьезного источника напряжения или недовольства на внутренней или внешней арене, который оказывает сильное давление на руководство страны;
- готовность главы государства и правящей партии в конфликтной ситуации принять решение о добровольном уходе из власти.

Несиловая отставка президента по шкале демократического транзита является промежуточным, скорее нейтральным сценарием. С одной стороны, она представляет собой выход из внутриэлитного конфликта путем добровольного сложения полномочий главой государства. С другой стороны, отсутствие возможности прийти к компромиссу и соблюсти конституционные сроки нахождения у власти можно воспринимать как негативный аспект. Но если проанализировать временные рамки, то отставка президента свойственна начальному этапу независимости (Азербайджан в 1992, 1993 гг., Грузия в 1992 г., Армения в 1998 г.), когда политические системы государств только формировались. Главным позитивным аспектом данного типа транзита является уход от силового противостояния с оппозицией с целью сохранить власть.

* * *

Анализ основных сценариев транзита власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа показывает, что, несмотря на первоначально высокие надежды на постепенную либерализацию политической жизни, развитие ситуации в них пошло по другому пути.

С точки зрения теории транзитологии это можно объяснить тем, что большинство новых независимых государств не сумели выполнить даже базовые условия, определяющие успех демократизации. Если первый этап транзита — демонтаж прежнего режима — все страны

³⁶ Петросян Д. Левон Тер-Петросян: ушел, чтобы вернуться? // Ноев Ковчег. 10.02.2015. Доступ: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2015-02-03/4915.html> (дата обращения: 20.05.2021).

региона прошли с обретением независимости, то практически никому не удалось преодолеть следующую важнейшую ступень — создать полноценную конкурентную партийно-политическую систему.

В условиях демократического транзита предполагается, что все процедуры смены власти должны проходить путем открытых выборных процессов. Но сложности с достижением необходимой устойчивости демократических институтов создают в реальности крайне пеструю палитру различных иных механизмов смены власти.

Ни одной из восьми стран региона не удалось сформировать устойчивые политические институты и политические традиции, которые бы обеспечивали стабильность, конкурентность, прозрачность избирательных процессов, возможность легального прихода к власти находящихся в оппозиции политических сил.

Как показывает наш анализ, единственный прецедент демократической смены власти в Грузии в 2012 г. в ближайшей и среднесрочной перспективе, вероятнее всего, так и останется единичным. Дело в том, что и в этом случае мы не можем говорить о наличии, пользуясь терминологией А.Ю. Мельвиля, «условного пакта», который бы устанавливал приемлемые для всех участников политической борьбы правила игры.

Логика развития политических процессов в регионе показывает, что институционально страны Центральной Азии и Южного Кавказа не готовы к конкурентной политике, которая рассматривается их руководством как угроза устойчивости государственности. Именно поэтому страны региона будут нацелены на поиск таких сценариев смены власти, при которых их общества выступали бы лишь легитимизаторами выбора, сделанного узкой группой представителей политических элит.

В таких условиях в ближайшей и среднесрочной перспективе только в некоторых странах можно ожидать перехода к политической модели с элементами полноценной конкурентной борьбы в рамках выборов — в Грузии и, менее вероятно, в Казахстане. Реализация более консервативных вариантов транзита ожидаема в Туркменистане и Таджикистане — скорее всего, в рамках династического сценария. В Киргизии сохраняется высокая вероятность повторения насильственной смены власти.

Одной из главных причин того, почему странам региона не удалось достичь заметного прогресса в демократизации и либерализации политических процессов, можно считать отсутствие заинтересованности

в этом правящих элит. Наоборот, с самого момента обретения независимости свою основную задачу они видели в укреплении собственной власти и недопущении прихода на высшие посты оппозиции через легальные процедуры. Как следствие, для представителей последней в странах Центральной Азии и Южного Кавказа единственным шансом пробиться во властные структуры становится использование неконституционных процедур в виде переворотов или создания условий для ухода лидера либо правящей партии в отставку. Этим мы можем объяснить такое разнообразие различных сценариев насильственной смены власти в регионе вместо установленных легальных процедур, характерных для демократических стран.

В качестве еще одной причины можно назвать распространение неформальных, архаичных механизмов удержания власти, таких как, например, пожизненное правление или передача поста главы государства члену семьи. Многим постсоветским странам свойственна сакрализация власти, когда интересы правящего клана отождествляются с интересами государства и вокруг этого тождества выстраивается специфическая государственная идеология. По сути, происходят такие явления, как реверсия политических процессов, предполагаемых теорией транзитологии, в сторону архаизации, установление в некоторых странах де-факто монархических режимов.

Таким образом, у государств региона не было серьезных внутренних стимулов для демократизации и либерализации политических процессов. Воздействие же внешних факторов, воплотившееся в реализации двух (и подготовке еще нескольких) «цветных революций», также не повлекло за собой качественного изменения политической ситуации. Если в Грузии правительство Михаила Саакашвили обеспечило заметный прогресс демократического транзита в стране, то в Киргизии итоги «тюльпановой революции» в марте 2005 г. были использованы кланом Курманбека Бакиева для установления еще более жесткого недемократичного режима, что в итоге привело к очередному перевороту.

Проведенный анализ позволяет констатировать ограниченность возможностей применения существующих теоретических подходов в области транзитологии для объяснения и, тем более, прогнозирования хода трансформации политических процессов на постсоветском пространстве, а также указывает на необходимость разработки новых объяснительных моделей, которые в большей степени учитывали бы особенности региональных политических систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзуманян Р.В. Бархатная революция в Армении: вызовы и возможности // Известия Саратовского университета. Серия: социология, политология. 2019. Т. 19. № 2. С. 223–230. DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-2-223-230.
2. Болпонова А. Политические кланы Кыргызстана: история и современность // Центральная Азия и Кавказ. 2015. № 3–4. С. 59–72.
3. Борисов Н.А. Трансформация политического режима в Узбекистане: этапы и итоги // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 6. С. 25–35.
4. Васильева О.В. Политические элиты Туркменистана и проблемы национальной идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4 (57). С. 200–206.
5. Игбаев Р.Б. Этапы и особенности становления института президентской власти в Республике Казахстан // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 3. С. 938–943.
6. Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 6–27.
7. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42–65.
8. Карсаков И. Особенности трансформации политической системы Казахстана в конце 80-х — середине 90-х // Центральная Азия и Кавказ. 1998. № 14.
9. Кахаров Д. Приватизация в Узбекистане: сравнение с переходными экономиками стран Центральной и Восточной Европы // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 5. С. 214–220.
10. Линецкий А.В. Транзитология — место и роль в современной политической науке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 2. С. 40–46.
11. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. М.: РОССПЭН, 2007. С. 123–134.
12. Мельвиль А.Ю. Становление транснациональной политической среды и «волны» демократизации // Современные международные отношения и мировая политика: Учебник для вузов / Отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. С. 106–142.
13. Насибова А.С. От А. Муталибова к Г. Алиеву: формирование внешней политики независимого Азербайджана // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 81–86. DOI: 10.18500/1819-4907-2019-19-1-81-86.
14. Немчинова Т.С. Проблема концептуального развития демократии в контексте четвертой волны демократизации // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. № 4. С. 206–213.

15. Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Институт Гайдара, 2011.
16. Нуриев Э. Парламентские выборы-2005 в Азербайджане: факторы влияния // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 1 (43). С. 42–51.
17. Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. 2001. № 2. С. 149–189.
18. Преемники и преемничество в современной политике: Россия и мир в сравнительной перспективе / Под ред. А.Г. Гуляевой, Ю.В. Мясенко, Н.В. Борисовой и др. Пермь, 2014.
19. Притчин С.А. Особенности транзита власти в Кыргызстане и Грузии в условиях формирующихся политических институтов // Журнал политических исследований [сетевое издание]. 2020. Т. 4. № 3. С. 14–23. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-14-23.
20. Семенова Т.Н. О формах перехода государственной власти в современном глобализирующемся мире // Философия и общество. 2014. № 2. С. 78–91.
21. Хлюпин В. Современный Казахстан: издержки обретения независимости // СНГ. Ежегодник. 2001.
22. Черноморова Т.В. Узбекистан: свой путь приватизации // Приватизация в России и других странах СНГ / Отв. ред. В.А. Виноградов. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 189–211.
23. Beyme K. Transition to democracy in Eastern Europe. London: Palgrave Macmillan, 1996. DOI: 10.1057/9780230374331.
24. Bunce V. Comparative democratization: Big and bounded generalizations // Comparative Political Studies. 2000. Vol. 33. No. 6–7. P. 703–734.
25. Bunce V. Subversive institutions: The design and the destruction of socialism and the state. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. DOI: 10.1017/CBO9780511816178.
26. Haggard S., Kaufman R.R. The political economy of democratic transitions. Princeton: Princeton University Press, 1995.
27. Huntington S.P. The third wave: Democratization in the late twentieth century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.
28. King C. Potemkin democracy: Four myths about post-Soviet Georgia // The National Interest. 2001. No. 64. P. 93–104.
29. Linz J., Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation. Southern Europe, South America, and post-Communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.
30. Mahoney J. Knowledge accumulation in comparative historical analysis: The case of democracy and authoritarianism // Comparative historical analysis in the social sciences / Ed. by J. Mahoney, D. Rueschemeyer. Harvard, 2000. P. 131–174.
31. McFaul M. The fourth wave of democracy and dictatorship. Paper prepared for the Annual Meeting of the American Political Science Association. San Francisco, 2001.

32. O'Donnell G., Schmitter P.C. Transitions from authoritarian rule: Tentative conclusions about uncertain democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

33. Valenzuela J.S. Democratic consolidation in post-transitional settings: Notions, process, and facilitating conditions // Issues in democratic consolidation: The new South American democracies in comparative perspective / Ed. by S. Mainwaring, G. O'Donnell, J.S. Valenzuela. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1992. P. 239–250.

34. Waldron-Moore P. Eastern Europe at the crossroads of democratic transition // Comparative Political Studies. 1999. Vol. 32. No. 1. P. 32–62.

REFERENCES

1. Arzumanyan H.V. 2019. Barkhatnaya revolyutsiya v Armenii: vyzovy i vozmozhnosti [Velvet revolution in Armenia: Challenges and opportunities]. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, vol. 19, no. 2, pp. 223–230. DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-2-223-230. (In Russ.)

2. Bolponova A. 2015. Politicheskie klany Kyrgyzstana: istoriya i sovremenost' [Political clans of Kyrgyzstan: Past and present]. *Central Asia and the Caucasus*, vol. 18, no. 3–4, pp. 59–72. (In Russ.)

3. Borisov N.A. 2005. Transformatsiya politicheskogo rezhima v Uzbekistane: etapy i itogi [Transformation of political regime in Uzbekistan: Stages and outcomes]. *Central Asia and the Caucasus*, no. 6, pp. 25–35. (In Russ.)

4. Vasil'eva O.V. 2018. Politicheskie elity Turkmenistana i problemy natsional'noi identichnosti [Political elites of Turkmenistan and the problems of national identity]. *The Caspian region: Politics, economics, culture*, no. 4 (57), pp. 200–206. (In Russ.)

5. Igbaev R.B. 2009. Etapy i osobennosti stanovleniya instituta prezidentskoi vlasti v Respublike Kazakhstan [Stages and features of formation of the institute of presidential power in the Republic of Kazakhstan]. *Bulletin of the Bashkir State University*, vol. 14, no. 3, pp. 938–943. (In Russ.)

6. Karl T.L., Shmitter F. 2004. Demokratizatsiya: Kontsepty, postulaty, gipotezy. Razmyshleniya po povodu primenimosti tranzitologicheskoi paradigmy pri izuchenii postkommunisticheskikh transformatsii [Concepts, assumptions and hypotheses about democratization (reflections on applicability of the transitiological paradigm for the study of post-communist transformations)]. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 6–27. (In Russ.)

7. Karozers T. 2003. Konets paradigmy tranzita [The end of the transition paradigm]. *Political Science*, no. 2, pp. 42–65. (In Russ.)

8. Karsakov I. 1998. Osobnosti transformatsii politicheskoi sistemy Kazakhstana v kontse 80-kh — seredine 90-kh [Features of the transformation of political system in Kazakhstan in the late 80s — mid 90s]. *Central Asia and the Caucasus*, no. 14. (In Russ.)

9. Kakharov D. 2003. Privatizatsiya v Uzbekistane: sravnenie s perekhodnymi ekonomikami stran Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy [Privatization in

Uzbekistan: A comparison with the transition economies in Central and Eastern Europe]. *Central Asia and the Caucasus*, no. 5, pp. 214–220. (In Russ.)

10. Linetskii A.V. 2010. Tranzitologiya — mesto i rol' v sovremennoi politicheskoi nauke [Transitology — the place and role in modern political science]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, no. 2, pp. 40–46. (In Russ.)

11. Mel'vil' A.Yu. 2007. *Demokraticheskie tranzity* [Democratic transitions]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

12. Mel'vil' A.Yu. 2004. Stanovlenie transnatsional'noi politicheskoi sredy i 'volny' demokratizatsii [The emergence of a transnational political environment and 'waves' of democratization]. In: Torkunov A.V. (ed.). *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Contemporary international relations and world politics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., pp. 106–142. (In Russ.)

13. Nasibova A.S. 2019. Ot A. Mutalibova k G. Aliyevu: formirovanie vneshnei politiki nezavisimogo Azerbaidzhana [From A. Mutalibov to G. Aliyev: Formation of foreign policy of independent Azerbaijan]. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, vol. 19, no. 1, pp. 81–86. DOI: 10.18500/1819-4907-2019-19-1-81-86. (In Russ.)

14. Nemchinova T.S. 2012. Problema kontseptual'nogo razvitiya demokrati v kontekste chetvertoi volny demokratizatsii [The problem of conceptual development of democracy in the context of the fourth democratization wave]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 13, no. 4, pp. 206–213. (In Russ.)

15. North D.C. 2009. *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Cambridge, Cambridge University Press [Russ. ed.: Nort D. 2011. Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva. Moscow, Gaidar Institute Publ.].

16. Nuriev Eh. 2006. Parlamentskie vybory-2005 v Azerbaidzhane: faktory vliyaniya [Parliamentary elections-2005 in Azerbaijan: Influence factors]. *Central Asia and the Caucasus*, no. 1 (43), pp. 42–51. (In Russ.)

17. Patrushev S.V. 2001. Institutsionalizm v politicheskoi nauke: ehtapy, techeniya, idei, problemy [Institutionalism in political science: Stages, currents, ideas, problems]. *Political Science*, no. 2, pp. 149–189. (In Russ.)

18. Gulyaeva A.G., Myalenko Yu.V., Borisova N.V. (eds.). 2014. *Preemniki i preemnichestvo v sovremennoi politike: Rossiya i mir v sravnitel'noi perspektive* [Successors and succession in contemporary politics: Russia and the world in a comparative perspective]. Perm'. (In Russ.)

19. Pritchinn S.A. 2020. Osobennosti tranzita vlasti v Kyrgyzstane i Gruzii v usloviyakh formiruyushchikhsya politicheskikh institutov [Features of the transit of power in Kyrgyzstan and Georgia in the context of emerging political institutions]. *Journal of Political Research*, vol. 4, no. 3, pp. 14–23. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-14-23. (In Russ.)

20. Semenova T.N. 2014. O formakh perekhoda gosudarstvennoi vlasti v sovremennom globaliziruyushchem mire [On the forms of transition of state power in the 21st century]. *Philosophy and Society*, no. 2, pp. 78–91. (In Russ.)

21. Khlyupin V. 2001. *Sovremennyi Kazakhstan: Izderzhki obreteniya nezavisimosti* [Modern Kazakhstan: The cost of independence]. *CIS yearbook*. (In Russ.)

22. Chernomorova T.V. 2003. *Uzbekistan: svoi put' privatizatsii* [Uzbekistan: Its own way of privatization]. In: Vinogradov V.A. (ed.). *Privatizatsiya v Rossii i drugikh stranakh SNG* [Privatization in Russia and other CIS countries]. Moscow, INION RAS Publ., pp. 189–211. (In Russ.)

23. Beyme K. 1996. *Transition to democracy in Eastern Europe*. London, Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230374331.

24. Bunce V. 2000. Comparative democratization: Big and bounded generalizations. *Comparative Political Studies*, vol. 33, no. 6–7, pp. 703–734.

25. Bunce V. 1999. *Subversive institutions: The design and the destruction of socialism and the state*. Cambridge, Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511816178.

26. Haggard S., Kaufman R.R. 1995. *The political economy of democratic transitions*. Princeton, Princeton University Press.

27. Huntington S.P. 1991. *The third wave: Democratization in the late twentieth century*. Norman, University of Oklahoma Press.

28. King C. 2001. Potemkin democracy: Four myths about post-Soviet Georgia. *The National Interest*, no. 64, pp. 93–104.

29. Linz J., Stepan A. 1996. *Problems of democratic transition and consolidation. Southern Europe, South America, and post-communist Europe*. Baltimore, Johns Hopkins University Press.

30. Mahoney J. 2000. Knowledge accumulation in comparative historical analysis: The case of democracy and authoritarianism. In: Mahoney J., Rueschemeyer D. (eds.). *Comparative historical analysis in the social sciences*. Harvard, pp. 131–174.

31. McFaul M. 2001. *The fourth wave of democracy and dictatorship*. Paper prepared for the Annual Meeting of the American Political Science Association. San Francisco.

32. O'Donnell G., Schmitter P.C. 1986. *Transitions from authoritarian rule: Tentative conclusions about uncertain democracies*. Baltimore, Johns Hopkins University Press.

33. Valenzuela J.S. 1992. Democratic consolidation in post-transitional settings: Notions, process, and facilitating conditions. In: Mainwaring S., O'Donnell G., Valenzuela J.S. (eds.). *Issues in democratic consolidation: The new South American democracies in comparative perspective*. Notre Dame, University of Notre Dame Press, pp. 239–250.

34. Waldron-Moore P. 1999. Eastern Europe at the crossroads of democratic transition. *Comparative political studies*, vol. 32, no. 1, pp. 32–62.

Статья поступила в редакцию 26.07.2021; одобрена после рецензирования 02.11.2021; принята к публикации 25.11.2021.

The paper was submitted 26.07.2021; approved after reviewing 02.11.2021; accepted for publication 25.11.2021.